

ИСПОВЕДЬ американского браконьера

Андрей Великанов. Фото автора

На скромную речку Етна я попал случайно – нынешним летом дождливая и холодная северная непогода так распоясалась на Аляске, что привычный июньский ход чавычи в крупных реках подзадержался как минимум на три недели.

Етна же по аляскинским меркам – просто 100-мильный серо-зеленый шнурок, вертляво стекающий с массивных ледников шестикилометровой красавицы горы Денали, высшей точки Северной Америки. В конце своего пути Етна вливается уже в более широкую Сустину, примерно в 25 км от впадения старшей сестры в залив Кука на Тихом океане.

По каким-то неясным природным хитросплетениям чавыча идет в Етну с завидной регулярностью в самом начале летнего сезона, где, в отличие от других рек, прилюдно показывает из воды собственные мордасы, т. е. активно обозначает королевское присутствие, подобно семге на Кольском полуострове, что всегда делает по-

добную рыбалку особенно азартной и привлекательной.

Вот поэтому мы и оказались в гостях у Боба Джонсона, здоровенного, немного кургузого и седовласого дитины, который вместе с женой Биверли владеет несколькими избушками на етнинских берегах. Это совсем недалеко, каких-то 120 км, от Анкориджа, но напрямки попасть сюда можно лишь по воздуху на гидросамолете.

Три избушки Джонсонов громко называются «туристическо-рыболовным лагерем», хотя и сами коричневые бревенчатые строения, одному из которых вроде уже перевалило за 70 лет, и подручный инвентарь, да и все программы местного гостеприимства никак не отвечают

требованиям современных рыболовецких развлечений. Да и Биверли не всегда поспевают нарезать бутерброды с майонезом и индюшачьим мясом, ибо выполняет порядка пяти-шести руководящих функций, перемежая их частыми перекурами, глядя при этом задумчиво в светлую даль.

Боб Джонсон выдает тебе снасти, потом сажает в громадное, что в длину, что в ширину размеров, верно послужившее алюминиевое корыто, запряженное престарелым малосильным двухтактником, и машет с берега ручкой, мол, далее разбирайся с рыбой, комарами и временем сам. По желанию клиента старина Боб может поехать вместе с ним, если есть настроение, а нет – то извините.

– На Боба последние три года постоянно наезжают инспекторы то по охотничьей, то по рыболовной части, – предусмотрительно сообщил мне на наушники еще на подлете к Етне пожилой пилот, он же владелец тархтящего вдоль склонов гор восьмиместного «Бивера» с одним пропеллером. – Никак дед не может совладать с пра-

вилами, исходящими из чиновничьих кабинетов.

Живут Джонсоны на реке уже лет сорок и до сих пор заготавливают и мясо, и рыбу собственными руками, а в последнее время здесь запретили ловить «кингов» на живую икру. Нельзя также рыбачить с полуночи до шести утра. К тому же Боб имеет привычку вываливать остатки пищи и рыбий сбой всегда в одно и то же место, прямо посреди старицы, что по всем охотничьим канонам называется привадой, а это строжайше запрещено теперь на Аляске. Джонсоновская помойка всегда притягивает косолапых, посему иногда из окна его избушки выглядывает то ремингтон, то винчестер. Согласиться с нововведениями Боб никак не желает, вот и прилипла к нему кличка «етнинский поучер», по-нашему – браконьер.

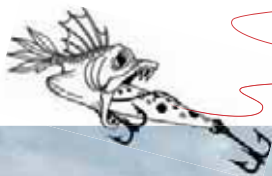
Как и положено человеку с такой серьезной репутацией, этот американец пьет исключительно бочковой ром «Капитан Морган» из толстостенной стеклянной банки. Некрашенные бревенчатые стены гостиной в централь-

ной избе увешаны охотничьими трофеями и старыми ружьями разных калибров. В основном это «нарезняки», о чем говорят не только диаметры стволов, но и многочисленные патроны, в беспорядке лежащие на небольшом столике под «пищальями». Бери и стреляй на здоровье...

Я ночью под шкурой не крупного черного медведя в перекошенной на левую сторону избушке рождения 40-х годов прошлого столетия. Она чуть больше понойского зимовья в районе Лебяжки, где я однажды вместе с лапландскими привидениями коротал почти целую неделю в конце февраля из-за завязшего в оттепель снегохода.

От комаров в старинном аляскинском «отеле» постоянно курятся зеленые пиретрумные спиральки, внутри же на четыре венца врытого в землю строения достаточно холодно, но в общем-то уютно.

Катушки и спиннинги у Боба под стать хозяину – пока еще скрежешут, но есть некое подспудное ощущение, что поднажми немного – и никакая литоловая смазка ни подшипникам,

ни шпулям уже не поможет избежать встречи с пронырливыми агентами из «вторсырья». Все блесны лежат в здоровенной хозяйской коробке и на 98% состоят из вертушек – «Меппсов» 5-го и 6-го номера ярко-красного или ядовито-зеленых цветов, и если при неаккуратном забросе случайно засветишь товарищу по виску или макушке, то не быть добру.

Сам Боб, как и следовало ожидать, рыбалит на поплавочную удочку и живую лососевую икру, криво усмехаясь при этом и хитро поглядывая в сторону нежно-розоватых, наверное от закатного июньского солнца, снежных склонов Денали.

Естественно, на одну поклевку на безвкусное, хоть и вертящееся в моих руках «железо» у деда придется штук двадцать, причем попадают не только молодые лососики, но и малиновобокие микижи, и даже здоровенные, килограмма по полтора, жирнющие увальни-сиги. Последних американцы не едят, считая чересчур костлявыми. А солить в нынешние вре-

мена у бледнолицих стало почему-то не принято.

Икру рыба берет очень нежно, и почувствовать такой поцелуй без опыта нелегко, так же как и сделать своевременную подсечку. Трофеи, ныне не превышающие пяти-шести килограммов (обычно в этих широтах встречаются «кинги» и на верных двадцать), приходится брать в подсачек, после чего мистер Боб сноровисто бьет рыбину по башке. Лупит мастерски – сразу видно, что начальные классы рыболов-

ной школы он проходил еще до появления на свет любвеобильного принципа «поймал – отпусти».

В этом году на Етне клюет очень много серебристых и вертявых «джекков» – так американцы обзывают однодневных самцов чавычи. Эти экземпляры – не более полутора килограммов весом и длиной максимум 40 сантиметров – просто неприлично называть королевским лососем. Хотя мясо у скороспелых самцов очень вкусное.

Джонсоны либо морозят рыбу после вакуумной упаковки, либо вместе со специями закручивают в алюминиевые банки – получаются один в один профессиональные консервы.

Приехавших на базу обеспечивают 7–8-метровыми плоскодонными джонботами под несильными моторами, установленными на специальных досках за транцем. С помощью нехитрого блока, шарниров и длинной ручки эта скрипучая доска может ходить вверх-вниз, что очень удобно при операциях с маломощными допотопными движками. Некоторые подвесники, видимо, будут погодки с Джонсоном или чуть младше. Среди них есть, например, доисторический 6-сильный «Montgomery Ward Sea King» или «Kiekhafer 10», выпускавшаяся в 50–52-е гг. прошлого века.

Все движки у хозяина этой тайги, хотя и с полупленной краской и вмятинами на старомодных колпаках, но в полном рабочем состоянии, т. е. бойко «пфукуют» сизоватым дыханием уже на второй рывок стартера. Четырехтактники дед на дух не переносит, и верхом технического прогресса для этого американца по-прежнему является карбюратор.

– Ну что я буду делать в лесу с этими новомодными инжекторами и турбонаддувами, разве что в кровать укладывать вместо Биверли. Уж больно красивые они нынче стали, – отгоняя березовыми веточками крупных летних комаров, философствует Боб. – А со старенькими двухтактниками разговор короткий – три разводных ключа да две отвертки, вот и все танцы. Они меня слушаются...

Мы шагаем вдоль его «шанхая» – сараюшек, дровяников, гаражей, металлических контейнеров и просто землянок, в уличный ряд расположен-

ных метрах в ста от основной базы.

Если убрать со сцены английский слог, а из «декораций» – иностранные побрякушки, то сразу ощутишь себя на нашей лодочной стоянке под Приозерском. Правда, без обычного для нее строгого инспектора. И каких тут моторов только нет: и «Montgomery Ward 6», «Kiekhafer 10», «Cabrera 40», «Mercury Mark 35A», «Evinrude Fisherman 6», «Evinrude Sportwin 6», «Suzuki 9.9», «Johnson 6», «Johnson 15», «Honda 7.5», «Johnson 25», «Mercury 9.8», «Johnson 9.9», «Yamaha jet 35». И все они гнездятся отнюдь не в одном экземпляре, просто настоящий музей моторов.

– Вот, например, знаешь ли ты, что такое «Cabrera»? – американец доволен произведенным на заморского гостя впечатлением. – Это ведь просто «Suzuki»... – И, не дав мне подумать, продолжил: – А вот с происхождением «морских королей» («Sea King») от торгового дома Монтгомери может выйти запутка. Например, возьми моего красавчика от «Mercury». В разные годы для этого заказчика под одним и тем же именем моторы выпускались на заводах «Johnson», «Evinrude», «Thor». Последний, кстати, и был фактически прародителем современного «Mercury Marine». В 1939 г. молодой инженер из Висконсина Карл Киекайфер за 25 000 долл. приобрел у Торвальда Хансена небольшой заводик с несколькими сотнями подвесных моторов в остатке, забракованными спецами из Монтгомери. Вместо того, чтобы отвезти неожиданно доставшееся штампованное добро в металлолом, Киекайфер снабдил их работоспособным карбюратором и мгновенно получил заказ на новую партию подобных движков. В том году они выходили еще под маркой «Thor», затем уже под двумя именами: «Mongomery Ward» и «Kiekhafer Mercury», поскольку имя римского покровителя путешественников Меркурия было уже запатентовано в автомобильной промышленности самим Генри Фордом.

А вот эта десяточка – «Kieraifer Hurriscane», – при этих словах Боб ласково погладил закругленный выцветший от времени колпак мотора, банально прикрученного к стене металлического гаража хрущевских вре-

мен, – выпускалась в 50–52-м годах с укороченным 15-дюймовым дейдвудом спортивной серии «Quicksilver». Поэтому на шилде можно различить букву Q после положенных KG7.

– Ты такой ярый поклонник «Mercury»? – я на минуту решил прервать монолог американца.

– Не совсем так, – он немного прищурился и рассеянно поглядывал куда-то в лес. – Просто почти из 300 компаний США, выпускавших в прошедшем столетии подвесные моторы, лишь три достойны упоминания: «Mercury», «Evinrude» и «Johnson»... Вот посмотри на «Evinrude Fisherman 6» и «Sportwin 10». Эти работяги выпущены соответственно в 1970 и 1963 г. и до сих пор в строю!

Я уж не стал вдаваться в весьма эклектичные темы моторесурсов из-за боязни быть напрочь разбитым уверенными тезисами Боба Джонсона, которые он строил, исходя исключительно из своего бытия и миропонимания...

Мы вместе сидим в лодке, и Боб небольшими глотками привычно потягивает коричневого «Моргана» из стеклянной банки с крышкой, служащей для сохранности живительного эликсира, когда банку ставят под ноги прямо на алюминий.

Он, как обычно, ловит поплавочной удочкой, насаживая липкие шмоточки красной икры на крючок. Правда, сегодня в устье старицы на шухер был поставлен черноволоосый, индейского происхождения Майк

– единственный работник Джонсонов.

– Когда танкер нефтью под завязку заливают, ущерб природе в десятки раз больше, чем от моей икринки на голом крючке, поверь мне. – Только чиновникам легче контролировать Боба Джонсона, чем совать нос в дела «Техасо» или «ВР». – Боб тяжело вздохнул и сделал солидный глоток из заветной баночки. – И медведей я стреляю, как дед учил, да и вообще книжка с правилами охоты и рыбалки по размеру стала похожа на романы Теодора Драйзера. Ни прочесть, ни понять невозможно. В общем, у них своя дорога, у меня своя...

Как я понял, в браконьеры дед был приписан, скорее всего, по случаю, когда лет пять назад поменялись правила рыбалки на Етне.

Поздним вечером ко мне в избушку постучалась взволнованная Биверли.

– Останови хоть ты этого старого дурака! Если для него правила не писаны, то о других надо ж подумать!

Оказывается дед Джонсон снарядил в вечерний рейд за чавычей моего друга Валеру. Как и положено, «руссо туристо» был с банкой икры и готовился к выходу на воду после полуночи, то есть в закрытые для ловли часы, а это верные 500 долларов штрафа.

– Так это ж еще поймать надо, – сконфузился дед.

Правда, говорил ли в те минуты он про рыбу или рыбинспектора, так и осталось за кадром.

